

А. К. МАТВЕЕВ

ТОПОНОМАСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Предложенная тема отнюдь не тривиальна, как это может показаться на первый взгляд. Тенденции эпохи таковы, что изменения в топонимической системе начинают принимать катастрофический характер. В то же время фронтальный сбор топонимического материала на необъятной территории нашей страны осуществляется далеко не везде и очень медленно. Нет сомнения в том, что даже при все возрастающих темпах сбора топонимики огромное количество драгоценных языковых фактов уже не удастся зафиксировать, и они навсегда исчезнут из нашего поля зрения.

С другой стороны, практика первоименования свидетельствует о том, что новые названия часто даются неумело, и это ведет к искажению топонимической системы.

Объективные трудности, в частности, обширность территории и многоязычность населения нашей страны — не единственная причина, препятствующая развитию полевых топонимических исследований и прикладной топонимастики. Не менее важно, что многие миллионы отечественных географических названий до сих пор не имеют настоящего хозяина.

Пора, видимо, назвать вещи своими именами.

1

В наши дни многочисленные топонимические опусы прямо-таки наводнены абсолютными цифрами и процентами, таблицами и диаграммами, которые характеризуют структурные и семантические типы топонимов. Поначалу это было закономерно. Но сейчас уже ясно, что развиваясь по такому пути, топонимастика быстро исчерпает свои возможности вследствие ограниченности проблематики, так как топонимика функционирующего языка при всей ее многочисленности и обилии словообразовательных и семантических типов в общем довольно однообразна, если сравнивать ее с лексическим богатством языка в целом. Будущее топонимастики прежде всего в изучении субстратных географических названий, интерпретация которых привлечет еще не одно поколение ученых: эти названия нередко служат единственным источником изучения того или иного вымершего языка, определения этноса и территории его

былого распространения. Другая важная перспектива открывается в очень актуальной сфере прикладной топонимистики, занимающейся проблемами первоименования. Конечно, в настоящее время еще нет смысла противопоставлять различные области топонимических исследований друг другу, тем более что основной задачей топонимистики сейчас является не интерпретация материала, а его сбор. Пришла пора понять тот простой факт, что будущее топонимической науки всецело зависит от настоящего и что промедление со сбором материала становится нетерпимым. через 5—10 лет многое будет уже безвозвратно утрачено. Между тем, пока топонимисты больше внимания уделяют письменным источникам разных времен и современным картам, сохранности которых ничто не угрожает, чем занимаются нелегким, но в конечном счете вознаграждающим сторицею сбором исчезающих на глазах полевых материалов.

В настоящее время даже «невооруженному» взгляду заметны тенденции, которые действуют в топонимике. Коренные изменения, происшедшие в жизни нашего общества в послеоктябрьский период, и прежде всего развитие новых социально-экономических отношений в деревне привели к исчезновению индивидуальных наделов, появлению больших коллективных хозяйств, укрупнению полей и пастбищ, исчезновению мелких населенных пунктов. Как следствие этого — утрата в массовых масштабах микропонимики, которая очень плохо отражена даже на самых подробных топографических картах и именно поэтому подлежит сбору в первую очередь. Между тем, микропонимика может включать в себя поистине бесценные факты, не отраженные в названиях более крупных объектов.

Так, в бассейне реки Выи (Верхне-Тоемский район Архангельской области) в микропонимике засвидетельствовано множество названий прибрежных полей и лугов, оканчивающихся на *-немо* (фин. *niemi*, вепс. *нем* «мыс»), которые позволяют точно идентифицировать древнее население региона как прибалтийско-финское, ср. *Озарнемо* (фин. *ohra*, вепс. *озр* «ячмень»), *Чоманемо* (фин. *soma*, вепс. *чома* «красивый») и другие.

Нередко именно микропонимика помогает обнаружить ранее неизвестные интересные апеллятивы. Показательна в этом отношении история выявления слов *керга* и *мыгра*.

Имеющую довольно широкое распространение в топонимике русского Севера лексему *Керга* мы связывали первоначально с коми-зырянским *керка* «дом», «изба»¹, а затем с фин. *kirkko*, саам. *gir'ko* «церковь»². Хотя последняя из предложенных этимологий и сейчас сохраняет право на существование по крайней мере для ряда употреблений этого топонимического слова, изучение микропонимики в бассейне реки Ёрги (Верхне-Тоемский район Архан-

¹ А. К. Матвеев. Két helynén — magyarázat. — Nyk. LXVIII, 2. Budapest, 1966, стр. 419.

² А. К. Матвеев. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований. — ВЯ, 1972, № 3, стр. 81.

гельской области) показало, что топонимическая лексема *Керга* может иметь и совершенно иной источник. Многочисленные названия прибрежных лугов типа *Исадная Керга*, *Ванькина Керга*, *Феди Васи́на Керга* явно указывали на то, что здесь мы имеем дело с каким-то еще не выявленным географическим термином, который и был в конце концов обнаружен как апеллятив со значением «излучина реки».

Еще более интересна история выявления апеллятива *мыгра*. В юго-восточной части севернорусского топонимического региона есть две деревни *Мыгра* (Верхне-Тоемский район Архангельской области и Нюксенский район Вологодской области). Названия эти были первоначально сопоставлены с фин. *myyrä*, карел. *tūgrä* «крот» и отнесены к числу отантропонимических³. Однако микро-топонимический материал (ср. название горы *Острая Мыгра* в Виноградовском районе Архангельской области) показал, что и эта топонимическая лексема скорее всего является географическим термином, который и был затем обнаружен в Верхне-Тоемском и Виноградовском районах как апеллятив в значении «возвышенность», «холм», «бугор» (ср. марийское *мыгыр* «горб»).

Примеры такого рода, свидетельствующие об исключительной ценности микротопонимики, можно приводить до бесконечности.

Сложность возникшей ситуации состоит, однако, не только в том, что изменились условия существования и функционирования микротопонимов, ведущие к их утрате в связи с социально-экономическими преобразованиями в деревне. Если исчезли мелкие населенные пункты, иногда можно найти информантов из них на новом месте жительства в других более крупных деревнях. Однако сбор топонимики очень осложняется тем, что старую микротопонимическую систему, восходящую к дореволюционной России и первым десятилетиям Советской власти сейчас хорошо помнят только люди весьма преклонного возраста (свыше 60—70 лет). Если учесть, что лучшие топонимические информанты — мужчины (охотники, рыбаки, лесники, сплавщики и т. п.) и что мужчин в возрасте 45 и более лет в деревнях мало, так как именно это поколение вынесло на своих плечах основную тяжесть минувшей войны, то становится ясным, что возможности успешного сбора топонимики не только в будущем, но и в настоящем крайне ограничены.

Топонимические экспедиции последних лет, проведенные на территории Архангельской области, свидетельствуют о резком уменьшении числа осведомленных информантов: собирать топонимику становится все труднее, нередко деревни, в которых вообще нет знающих людей, в других пунктах их по 1—2. Но ведь надо еще учитывать субъективные качества информантов: желание работать, понимание цели работы, умение дать точную географи-

³ А. К. Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Докт. дисс. Свердловск, 1970, стр. 381.

ческую привязку объекта, словоохотливость и т. д. Следовательно, реальное количество хороших информантов еще по крайней мере раза в два меньше. Тем самым топонимист поставлен в более трудные условия, чем диалектолог, который с особенным успехом работает с женщинами пожилого возраста, носителями типичного говора, и более заинтересован в естественной обстановке, чем в нарочитой, неизбежной при топонимическом опросе.

Наконец, следует остановиться еще на одной стороне проблемы. Быстрое экономическое освоение ранее неразвитых территорий, особенно открытие месторождений полезных ископаемых, строительство заводов, рудников, электростанций и т. д. может привести к полной утрате местных топонимических систем. Так, раньше верхнелозьвинские и сосьвинские манси-оленоводы пасли оленей на всей горной части Северного Урала от хребта Яныг-Квот-Нёр до хребта Денежкин Камень. Теперь же олени пастбища охватывают только район Чувальский Камень — гора Мартай и район гора Лунт-Хусап — хребет Ось-Нёр. Найти человека, знающего достаточно хорошо места между горой Лунт-Хусап и хребтом Яныг-Квот-Нёр, уже очень трудно. Не подлежит сомнению, что с исчезновением оленеводства в этих местах прекратит существование и богатейшая оронимическая система, как это уже произошло с камасинской оронимикой на Саянах.

Долг лингвистов предотвратить массовую гибель топонимического материала. К сожалению, возможности лингвистических учреждений слишком ограничены, чтобы повсеместно осуществлять поистине титаническую работу по сбору многих миллионов топонимов. В частности, на громадной территории РСФСР эта работа ведется лишь очень фрагментарно.

В настоящее время наиболее мощной топонимической организацией является отдел географических названий ЦНИИГАИК, обладающий обширными материалами, организующий и направляющий всю деятельность топографических и картографических предприятий по сбору топонимики на территории страны. Несомненно, деятельность его необходима и полезна. Однако в интересующем нас плане и масштабах ничего не может сделать ни этот отдел географических названий, ни созданная недавно Межведомственная комиссия по географическим названиям. Эти организации сами далеки от собирательской деятельности, да она и не входит в их функции, и так весьма многообразные (решение общих методологических и методических вопросов, связанных с практикой наименования, составление инструкций по транскрипции и словарей названий наиболее значительных объектов, рекомендаций о наименовании и переименовании городов и рабочих поселков, решение спорных вопросов и т. п.). Названия собирают топографы, которые не подготовлены лингвистически и не могут квалифицированно выполнять эту работу, несмотря ни на какие инструкции, да и производят ее в суженном диапазоне, так как в их задачу не входит полный и всесторонний сбор материала. Таким образом,

топографические организации не в состоянии обеспечить фронтальный сбор топонимического материала, а то, что они собирают, как правило, количественно неполно представляет топонимическую систему, а по качеству не соответствует уровню требований современной топономастики.

Дело в том, что даже чисто практические вопросы картографической топонимики есть прежде всего лингвистические вопросы. Топограф наносит на карту название *Акоський Ручей* вместо *Аковский Ручей* только потому, что не знает широко распространенной особенности русских говоров Архангельской области, состоящей в том, что суффикс *-овск-* произносится *-оськ-*. Если топограф наносит на карту искаженное название горы *Ху-Сойка*, то только потому, что не владеет мансийским языком, на котором эта гора называется *Хусь-Ойка*. Надо сказать, что мансийской по происхождению оронимике Северного Урала вообще не повезло: гора *Лунт-Хусап* «Гусиная яма» переименована в *Отортен* (искаженное название горы *Вот-Тартан-Сяхл* «Гора, с которой дует ветер», находящейся к северо-востоку от горы *Лунт-Хусап*), хребет *Маньси-Хумит-Нёл* «Отрог мансийских людей» стал хребтом *Яны-Емты* (фактически *Маньси-Хумит-Нёл* — только часть обширной горной страны *Яныг-Емки* «Большие Ёмки»), отдельный хребет *Муниг-Тумп* превратился в *Сампал-Сяхл* (обозначение одной из вершин на хребте *Ось-Нёр*), а далее идут уже совершенно чудовищные *Ойка-Чакур* вместо *Ойка-Сяхл*, *Пягый* (так!) *Тумп* вместо *Нятай-Тумп*, *Гумп-Капай* вместо *Тумп-Капай* и бесчисленные им подобные.

Искажения нерусского топонимического материала, разумеется, особенно вопиющи и больше бросаются в глаза. Но даже и в чисто русской топонимике на каждом шагу происходит ломка и порча топонимической системы. Одним из отрядов Севернорусской топонимической экспедиции на территории, давно заселенной только русскими, был проведен фронтальный сбор топонимики. Этот материал был сопоставлен затем с соответствующими картографическими данными. Оказалось, что до сбора на картах было 1752 названия, из них в той или иной мере нуждалось в исправлениях 489 (т. е. несколько больше 25%)⁴, дополнительно было собрано 2886 топонимов, т. е. топографами было засвидетельствовано на карте только 40% всех названий, выявленных при фронтальном сборе. Цифры эти, видимо, достаточно показательны и свидетельствуют о том, что топографические организации не в силах сохранить для науки топонимическую систему в целом, да и не ставят перед собой эту задачу.

Кто же способен ее выполнить? Может быть академические

⁴ О типах топонимических ошибок см.: В. В. Киселев, А. К. Матвеев. О топонимических ошибках при крупномасштабном картографировании. — «Геодезия и картография», 1967, № 7, стр. 57—61.

институты, в частности, Институт русского языка и Институт языкознания? На этот вопрос также приходится дать отрицательный ответ. Совершенно очевидно, что академические институты бессильны осуществлять фронтальный сбор топонимического материала, так как для этого нужны тысячи собирателей, которых нет в распоряжении академических институтов. В самом деле, что может сделать в интересующем нас плане сектор или группа ономастики, состоящие всего из нескольких человек?

Очевидно, что конструктивное решение вопроса следует искать на иных путях. Так, в РСФСР наиболее естествен путь создания при некоторых вузах действующих по единой программе региональных топонимических центров, которые привлекли бы студентов и обеспечили организацию фронтального сбора топонимики.

2

Суть проблемы состоит, однако, не только в том, чтобы возможно быстрее зафиксировать все, что еще сохранилось, и тем самым сберечь языковые ценности для науки. Другая сторона вопроса сводится к тому, как, наконец, прекратить произвол, творимый с первоименованиями, с которым приходится встречаться на каждом шагу. Практика первоименования очень часто осуществляется на низком уровне, причем нелепые или шаблонные названия, приживаясь на картах, вместе с искажениями, о которых уже шла речь выше, через топографов, геологов, лесников проникают затем к местному населению. В настоящее время это встречное воздействие искусственной «топографической» топонимики еще очень слабо, но надо полагать, что с течением времени «придуманные» названия начнут усваиваться более оживленно, особенно с исчезновением народной топонимики. Таким образом, ответственность организаций и лиц, дающих названия, чрезвычайно велика, тем более что, попадая на карту, название закрепляется на ней и затем уже переносится с одной карты на другую.

Как известно, до сих пор еще не выработаны сколько-нибудь приемлемые рекомендации для называния объектов, да и выполнить эту работу непросто — следует учесть огромный материал и провести исследование широкого диапазона. Но даже вызубрив наизусть все рекомендации, можно создать плохой топоним, так как удачное название обычно подсказывается только хорошим знанием объекта и его окружения.

Между тем, сплошь и рядом даются невыразительные однообразные, а то и просто нелепые названия географических объектов, неизбежные при неквалифицированном подходе к делу. Эти названия даются в надежде, что они все равно укоренятся в силу последовательности и твердости топонимической политики топографических и иных предприятий, имеющих исключительное право первоименования. Если названия сколько-нибудь значительных объектов еще могут быть подконтрольны Межведомственной

комиссии и другим авторитетным органам, то судьба тысяч названий средних и малых объектов, как правило, решается на местах — в топографических партиях и экспедициях. О том, как бедна семантика искусственных названий вообще, можно судить по данным, приведенным А. И. Рудных в статье о названиях алмазов⁵. Конечно, возможности для наименования естественных географических объектов богаче, но они используются плохо. По-видимому, надо лучше усвоить ту простую истину, что топонимическая система является частью естественно сложившейся, имеющей длительную историю системы языка со всеми заложенными в ней тенденциями. Если снять мистические наслоения с учения В. Гумбольдта о внутренней форме языка⁶, то именно оно помогает нам понять, почему так трудно создать искусственный язык, различные компоненты которого, сами по себе пусть даже и системные, могут не соотноситься друг с другом, и почему соответственно очень нелегко придумать хорошее название географическому объекту, т. е. такое название, которое вписывалось бы в ранее сложившуюся, исторически апробированную топонимическую систему. В противном случае это название будет противоречить системе и изнутри разлагать ее.

Проиллюстрируем сказанное одним примером. Журналист Д. Кубякин в заметке «Музыкальные ручьи»⁷ пишет: «В Верхнеиндигирской геологоразведочной экспедиции можно увидеть список гидрографических наименований бассейна реки Индигирки. Ручьев насчитывается свыше пятнадцати тысяч. Одни из них носят имена девушек, другие — названия, привезенные из родных мест первооткрывателями. Однако, пожалуй, более всего «музыкальных» имен. Недалеко отсюда текут ручьи Соло, Дуэт, есть ручьи Мотив и Песня, Полонез и Танго, Рондо и Хор. В районе золотоносных месторождений недавно появились Минор и Мажор, Струна и Лира, Баян и Тромбон.

Симфоническим оркестром пробуждаются они весной. Приходит к ним вездесущий геолог, который, пожалуй, лучше всех понимает, о чем поют ручьи сурового северного края. Людям смелой профессии они часто подсказывают, где запрятаны ключи к подземным сокровищам. Вот за это благодарные землепроходцы дают им красивые имена».

У наивного журналиста все эти музыкальные названия вызывают восхищение: он в восторге от деятельности геолога-первопроходца, может быть и большого поклонника музыки, но дилетанта в топонимике. Не по себе становится от таких контек-

⁵ А. И. Рудных. К вопросу о принципах номинации вещей (собственные имена алмазов). — ВО, № 7. Свердловск, 1974.

⁶ В. Гумбольдт. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть. 1. М., 1964, стр. 100—104.

⁷ «Вечерний Свердловск», 1971, 2 марта.

стов: «Лошадь утонула в Рондо» (нельзя сказать в Ронде, так как это слово не склоняется), «Я с трудом перешел через Танго», «Наша база находилась между Мотивом и Песней (Баяном и Тромбоном)».

Все эти музыкальные названия, конечно же, никак не вписываются в топонимическую систему, не оправданы семантически, а к тому же, в некоторых случаях представляют собой несклоняемые имена, которые неудобны и скорее всего должны будут с течением времени превратиться в устном употреблении в уже, совершенно бессмысленные Ронда, Танга, Сола.

Попытаться отразить «пение» ручья в названии, конечно, похвально, но не такими средствами, как использование иноязычной по происхождению музыкальной терминологии. Между прочим, «музыкальных» ручьев много на картах, народ часто дает такие названия, но насколько же они выразительнее: здесь и веселые *Шумишка* и *Гремишка*, и восторженные *Жаворонок* и *Соловей* и целая гамма слегка насмешливых *Брехливец*, *Ворчливец*, *Говорун*, *Болтун*, *Брякотун* и т. п. Не все из этих названий, конечно, являются эстетическим эталоном, но все они бесконечно лучше, чем совершенно бессмысленные для названий ручьев *Танго* и *Соло*.

Этот пример хорошо показывает разницу между «естественной» и «искусственной» номинацией, о которых пишет Н. Д. Голев⁸, так как здесь мы имеем дело с крайне уродливым и поэтому наиболее показательным случаем «искусственной» номинации.

Попытаемся сравнить и противопоставить друг другу, насколько это, конечно, возможно, «естественную» и «искусственную» номинацию. «Естественную» номинацию характеризуют: стихийный учет свойств объекта, т. е. «естественная» мотивированность номинации, обязательная апробация народным опытом, коллективность номинации с точки зрения сегодняшнего дня (неизвестность авторства); «искусственную» номинацию в свою очередь характеризуют: наличие ясной целеустановки, «направленный» учет свойств объекта, индивидуальность авторства (в широком смысле), а во многих случаях произвольность номинации, связанная с недостаточным знанием объектов или основных принципов номинации, либо со специальной установкой. Отсюда следует, что «искусственная» номинация может быть обоснованной и необоснованной.

На то, какие «ножницы» создают «естественная» и необоснованная «искусственная» номинация, ясно указывают двойные наименования деревень в Архангельской области. Здесь почти каждая деревня имеет два названия — народное и официальное, часто даже и неизвестное местному населению (*Кулига* — Григорьевская, *Углы* — Анфимовская и т. д.). Официальные названия, как правило, утомительно однообразные, отантропонимические или религиозные, были даны в XIX веке царским правительством, про-

⁸ Н. Д. Голев. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами. См. статью в настоящем сборнике (стр. 89).

водившим очень неумную топонимическую политику, но зато с ярко выраженной специальной установкой — борьбы с «грубыми» народными названиями.

Из всего сказанного вытекает, что защита волюнтаризма в номинации — глубочайшая ошибка. Называние объектов — дело очень серьезное, и оригинальничанье («музыкальные ручки» здесь также недопустимо, как и шаблон (ср. многочисленные поселки Светлые) или названия-уродцы типа поселок *Сельхозтехника*. В то же время надо иметь в виду, что в устоявшихся топонимических системах не ощущается разница между функционирующими «естественными» и «искусственными» названиями. Так, названия городов с цветовыми определениями (*Белград*, *Белгород*, *Зеленоград*, *Красноград* и т. п.) неоднородны с точки зрения первоначальной мотивации: среди них есть и «естественные» (*Белгород* — за белый цвет стен) и «искусственные» (*Красноград*, где «красный» = «революционный»). И те, и другие, однако, одинаково удачны, так как «искусственные» названия в этом случае обоснованы с точки зрения номинации.

Точно таким же образом не воспринимается как искусственное второе наименование Тихого океана *Великий океан*, хотя оно было дано *одним* французским исследователем в 1752 г.

Следовательно, противопоставление «естественной» и «искусственной» номинации относится только к моменту возникновения топони́ма и периода его закрепления: «искусственные» названия, пройдя соответствующую апробацию в языковом коллективе, ничем не будут отличаться от «естественных».

Для понимания процессов номинации очень интересны и случаи возникновения временных или условных (ср. условные языки) топонимических систем, которые в какой-то мере моделируют «естественную» номинацию, но вместе с тем известны крайне ограниченному кругу лиц и лишены сколько-нибудь длительной апробации, что и сближает их с некоторыми искусственными именами. Эти временные топонимические системы возникают в специфических условиях (например, их может создать группа охотников или туристов, выехавшая в какой-либо район на определенный срок), причем подобные топонимы-однодневки могут причудливым образом взаимодействовать с общепринятой местной топонимикой района. Автору во время его многочисленных путешествий не раз приходилось принимать участие в создании таких временных топонимических систем, крайне необходимых, так как их отсутствие неудобно для лиц, находящихся сколько-нибудь длительное время на определенной территории, но-возникших вполне «естественно», т. е. безо всякой нарочитости.

Так, во время неоднократных посещений группой из 4—5 человек во главе с автором хребта Зигальга на Южном Урале была выработана следующая условная топонимическая терминология, известная только членам данной группы (приводим в небезынтeресной эволюции): *Это Плато* (на котором находилась база груп-

пы), *То Плато* (на которое ходили охотиться и собирать ягоды), *Великое Плато* (очень большое), *Черничная Гора* (вся буро-красная от выгоревшего черничника); после того как лагерь был перенесен на *Великое Плато*, *Это Плато* стало называться *Первое Плато*, а *То Плато* — *Второе Плато*. Однако создалось курьезное положение: начинать отсчет от Великого Плато было неудобно, так как получалось, что хребет начинался не с Первого, а со Второго Плато. И вот пришлось поменять эти названия местами: Второе Плато стали называть Первым, а Первое — Вторым. Эта система удержалась и использовалась в дальнейшем, вновь иллюстрируя тонкость и сложность противопоставления «естественного» и «искусственного» в номинации, так как в «естественную» номинацию в последнем переименовании вторгся момент произвольности, абсолютно необходимый с точки зрения логики номинации.

Пожалуй, еще интереснее топонимическая система, созданная автором и его товарищем по охотничьим блужданиям в Шалинском районе Свердловской области доцентом нашего университета А. Н. Левковым. Из года в год выезжая на охоту в одни и те же места, мы вынуждены были создать целую систему названий урочищ, так сказать, топонимику для двоих, возникавшую совершенно естественно. К известным нам местным названиям (р. *Баская*, разъезд *Баскинский*, *Куарская Дорога*, разъезд *Берлога*, р. *Талая*, пос. *Сарга* и т. п.) за несколько лет добавились: *Глухариния Горка* (здесь было много глухарей), *Лазаревский Лог* (где охотился иногда ездивший с нами охотник по имени Лазарь), *Березовая Просека* (проходит по березовому лесу), *Красивое Место* (очень красивое урочище), *Мертвая Дорога* (на которой никогда не попадалась дичь), *Толина Просека* (которую первым из нас двоих обнаружил А. Н. Левков), *Матвеевский Лог* (излюбленное место охоты автора), *Пыхтун* (очень крутая гора, на которую трудно подниматься: приходится попытеть), *Чирковый Лог* (где одно время постоянно вылетала утка-чирок, которую никак не удавалось подстрелить), *Кривая Дорога* (очень извилистая) и т. д.

Таким образом, хорошо видно, как именно «естественно» и непроизвольно возникает даже временная топонимическая система, если она основана на знании объектов и учете их свойств. Эта топонимика очень хорошо служит ее создателям до сих пор, но, как и любой условный язык, обслуживает только весьма узкий коллектив. Курьезно выглядели попытки найти соответствие между местной и созданной нами топонимическими системами, которые имели место при встрече с местными охотниками, тщетно пытавшимися объяснить нам, как найти одно урочище, особенно богатое тетеревами. Общению мешало прежде всего то, что во многих случаях мы давали названия объектам, безымянным для местного населения, и не обозначали, наоборот, некоторые уже названные объекты. Это, однако, не препятствовало взаимодействию двух систем, т. е., точнее, нашей системы с теми элементами местной топонимики, которые были нам известны (ср. разъезд *Берлога* и

ур. *Берложская Узкоколейка*). Как бы то ни было, временные топонимические системы все же гораздо ближе к «естественным», чем к «искусственным», если они даются людьми, знающими места.

Необходимость быстрой фиксации топонимики и борьба за грамотное, идейно и эстетически выдержанное первоименование — основные задачи, которые стоят сейчас перед топонимикой. Осуществление первой из этих задач прежде всего зависит от энергии самих лингвистов, вторую решают нелингвистические организации, однако языковедам следовало бы оказывать большее воздействие и на этот важный аспект проблемы.